

ОТЕЦ ЖДЕТ

В СВОЙ ПОСЛЕДНИЙ запой Селиванов уходил тяжело и отрешенно. Он не пил четырнадцать месяцев. Жена в очередной раз наивно поверила, что теперь так будет всегда. Ночью он плохо спал. Сны были короткие, тревожные и безумные. Снился покойный брат. Будто пришел грязный, прямо из могилы, и попытался залезть в окно. Потом приснилась бывшая любовница. Селиванов собирался ей отлизать, но вдруг увидел, что вместо влагалища у нее гигантский кузнечик с головой воробья. Каждый раз он вздрагивал и просыпался. Вставал, шел на кухню, курил, пил воду и смотрел в окно на пустую улицу. Тревога не отпускала. И странное ощущение физического неудобства. Как будто его сложили надвое, затолкали в чемодан и закрыли. Селиванов возвращался в постель. Жена тихо сопела, повернувшись спиной. Теплая, мягкая и нежная. Ему хотелось прижаться к ней. Но он боялся ее разбудить. У него были холодные руки и ледяные ноги.

Утром, выбравшись из очередного муторного кошмара, Селиванов понял, что опять обманул и себя, и жену. Она уже встала. С кухни доносился приглушенный звук работающего телевизора. Лиля готовила завтрак. На часах было ровно десять. Селиванов вышел из комнаты. На сковородке жарилась яичница с помидорами. Чайник выдувал струю пара, готовый засвистеть.

— А ты хорошо спал? — спросила Лиля, вытирая полотенцем руки.

— Ну да, — ответил Селиванов, глядя в окно.

Улица была пуста, как и ночью.

— Просто я смотрю, в пепельнице окурков полно. Я вчера, когда ложилась, встряхнула.

— Вставал несколько раз, потом засыпал. Какая-то чертовщина снилась.

— Какая? — спросила Лиля.

Чайник засвистел. Она погасила огонь.

— Да я толком и не помню уже.

— Надо было пустырник выпить.

— Он же на спирту, — сказал Селиванов рассеянно.

— Таблетки. Настойку я и не покупаю.

— А. Ладно, пойду умоюсь.

Он заметил тревогу в глазах жены и ушел в ванную. Долго чистил зубы, умывался, причесывался. Собственное лицо казалось ему отвратительным. Селиванов подумал об отце. Потом о настойке пустырника, точнее, о спирте, который там содержался. Его бросило в жар.

— Идешь завтракать? — позвала Лиля.

— Иду, — пробормотал он в полотенце, которое с силой прижимал к лицу.

Аппетита, конечно, не было. Жидкий яичный желток одним своим видом вызвал тошноту. Селиванов, почти

не жуя, проглотил завтрак. Лиля налила ему чашку чая и стала что-то рассказывать. Он кивал, поглядывая в окно. Слова жены пролетали мимо. По улице прошел одинокий старик с седой бородой.

— Смотри, — сказал Селиванов. — На Толстого похож.

— Кто? Где?

Она посмотрела на экран телевизора, где человек с лицом уловника рассказывал о народной медицине, потом повернулась к окну. Старик уже свернул в арку.

— Там дед был, на Толстого похож, — сказал Селиванов. И уточнил: — На Льва.

— Ты не хочешь еще поспать? — спросила Лиля.

— Нет. Зачем?

— Ты ведь плохо спал ночью.

— Нормально я спал, не переживай.

Он заметил, что жена смотрит на него почти с отчаянием. Она все поняла. Но это ему вдруг стало безразлично.

Селиванов закурил и сказал:

— Погода какая хорошая. Я, наверное, прогуляюсь.

— Перестань.

— Что? Почему?

— Не ходи. Я тебя прошу. Давай дома побудем сегодня.

Он рассмеялся:

— Мы и так никуда не выходим. В магазин и обратно. С ума же можно сойти.

— Пока не сошли, — сказала Лиля.

— Это пока.

Она ушла в комнату. Селиванов курил и смотрел в окно. Он заметил, что стекло слегка засрано мухами. Вспомнил, что Лиля уже несколько раз просила его вымыть окна. Она боялась высоты. Он стал одеваться. Скинул спортивки и натянул джинсы. Футболку оставил домаш-

нюю, с дыркой от сигареты на животе. Надел ветровку и заметил, что вся его обувь исчезла.

— Лиля, выйди, — позвал Селиванов.

Она выглянула из комнаты.

— Где мои кроссовки?

— Я их спрятала, — сказала она.

— Ладно.

Он открыл шкафчик, где стояли зимние ботинки, старые кеды и дешевые туфли, подаренные тещей. Селиванов надевал их всего раз. Внутри было пусто. Лиля внимательно на него смотрела.

— Прекрати, — сказал он.

— Это ты прекрати! — закричала она.

Селиванов заглянул на антресоли, потом под ванну. Продолжать поиски ему расхотелось. Лиля могла просто вышвырнуть все в окно. Такое уже случалось. Некоторое время он обдумывал ситуацию.

— Знаешь что? Мне плевать! Я и так пойду.

Он застегнул куртку и вышел из квартиры в носках.

Лиля позвонила минут через пять. Селиванов шел по пустой улице. В соседнем дворе нелегально работала рюмочная с провокационным, особенно для жен алкоголиков, названием «Главная пристань». Туда он и направился.

— Я дам тебе один шанс вернуться, — сказала Лиля.

Она плакала.

— Так ведь я же вернусь, — ответил Селиванов.

— Сейчас! — заорала она.

— Скоро. Хочу встретиться с отцом.

— Миш, ты чего? Ты когда его видел вообще последний раз?

— Ну вот, значит, пришло время.

— Да ты даже не знаешь, где он живет, дурак.

— Это не так сложно узнать.

Селиванов остановился у входа в рюмочную.

— Я поняла, — сказала Лиля. — Поняла. Дура! Дура! Дура! Тупая дура!

Он вдруг представил, что жена бьет себя кулаком по голове.

— Лиль, не надо.

— Дура! Ненавижу себя! И тебя ненавижу!

Он нажал отбой и зашел в рюмочную. Посетителей не было. Придут позже, никуда не денутся. Вечером свободных мест не будет. За стойкой женщина в медицинской маске смотрела телевизор, установленный на кронштейн.

— Здравствуйте, — сказал Селиванов, чувствуя легкую дрожь. — «Народной» сто пятьдесят грамм и томатный сок.

Он выбрал самую дешевую водку. Это не имело значения. Вся водка здесь была одинаковая. Раздатчица налила. Селиванов расплатился, тут же выпил залпом и со стаканчиком сока переместился за столик. Внутри раскручивался маленький сияющий моторчик и набирал силу. Возникло дурацкое желание найти где-нибудь подкову и разогнуть ее на глазах изумленной раздатчицы. Зашел мужик в маске, заказал и подсел к Селиванову с графинчиком водки и бутербродами на тарелке. Это был Витя Ерёменко, бывший хирург детской больницы. Пару лет назад его уволили. Витя спивался. Когда-то у него была красивая жена.

— Здорово! — сказал Витя и выпил полстакана. — Развязал?

— Вышел прогуляться, — ответил Селиванов. — К отцу хочу.

Витя вытер маской взмокшее лицо и сунул ее в карман.

— В метро без намордников не пускают. У тебя есть?

Селиванов сходил к стойке и вернулся с полным стаканом.

— А башмаки где? — спросил Витя.

— Я йог, — ответил Селиванов. — Сплю на гвоздях, ем толченое стекло, умываюсь огнем.

— Самое время это сделать. — Витя поднял стакан.

Они выпили. Курить в рюмочной не запрещалось, и они достали сигареты.

— Ты знаешь, что тайное правительство — это гигантские насекомые? — спросил Витя. — Вроде бы шершни.

Потом он несколько раз чихнул. Селиванов достал телефон. Пропущенных вызовов не было. Эсэмэс тоже никто не прислал. Он поискал в контактах номер.

— У тебя знакомые бляди есть? — подал голос Витя. — Я одну знаю. Можем сходить к ней. Она беззубая.

— Подожди.

Селиванов вышел на улицу и нажал вызов. Ответил пожилой мужчина.

— Здравствуй, дядя Петя.

— Кто говорит?

— Миша.

— Миша? Ах, Миша! Доброе утро, Миша. Давно не виделись.

— У меня к вам дело.

— Хочешь денег занять?

— С чего вы решили?

- В прошлый раз так и было. Ты звонил занять денег.
- Сколько взял? — спросил Селиванов.
- Нисколько. Ты приехал ночью на такси. Потом уснул у меня в прихожей на диване. А утром ушел.
- И все?
- Забыл полбутылки коньяка. Если хочешь, можешь забрать. Я поставил в сервант.
- Могли бы выпить.
- С моей-то поджелудочной? — сказал дядя Петя.
- А чего с ней не так? — спросил Селиванов.
- Она каменная.
- В каком смысле?
- Не знаю. Врач так сказал. Я делал УЗИ. И врач сказал, что у меня поджелудочная как камень. А еще желчный пузырь кривой. В общем, мне лучше не пить.
- Ладно, может, заберу.
- После карантина. Хорошо? Сейчас я тебя не пущу. Вышел Витя.
- Так что, Миша? Ты хочешь занять денег? — спросил дядя Петя.
- Нет. Хочу встретиться с отцом. Вы знаете, где он?
- Конечно. Недалеко от Спасо-Парголовской церкви.
- Давно туда переехал?
- Ты же знаешь, он на месте не сидит.
- Какой адрес? — спросил Селиванов.
- Дядя Петя продиктовал.
- Записал?
- Я запомнил. Спасибо, дядя Петя, до свидания.
- До свидания, Миша.
- Слышишь, — сказал Витя. — Если ты застудишь ноги, у тебя вены вылезут размером с канаты. Идем к Шурику, он тебе даст какие-нибудь штиблеты.

Шурик занимался ремонтом обуви. Последний раз Селиванов видел его года три назад.

— А он жив?

— Конечно. Только в магазин зайдём. У тебя есть деньги?

Они прошли полквартала, встретив всего пару прохожих. Было прохладно. Время от времени из-за туч выглядывало солнце, но тут же снова пряталось.

— Менты, — сказал Витя.

Навстречу им медленно ехал патрульный автомобиль. Витя достал из кармана маску, уронил, наступил на нее, подобрал и торопливо натянул на опухшее, небритое лицо. Селиванов прикрыл лицо ладонью. Но полицейские даже не посмотрели в их сторону. В магазине Селиванов взял три бутылки водки. Еду покупать не стал. Витя сказал, что у Шурика полно закуски.

Дверь открылась, и проем заслонила гора. Селиванов с трудом узнал Шурика. Теперь он весил под триста килограммов. Стоял, опираясь на металлические костыли, и тяжело дышал.

— Привет, ребята, — сказал Шурик неожиданно тонким голосом. — Проходите.

Они вошли. Селиванов машинально наклонился, чтобы развязать шнурки на ботинках.

— Помнишь Мишу? — спросил Витя.

— Да, конечно.

— Давно не виделись, — сказал Селиванов смущенно.

— Это неудивительно. Я редко выхожу, — ответил Шурик.

В комнате он сразу лег на двуспальную кровать без ножек, заняв ее целиком. Витя принес три стакана.

— Я не буду пить, ребята. Но вы не стесняйтесь.

— Точно?

— Да, да, пейте. Поговорим. Мне ужасно одиноко.

Шурик рассказал, что жена бросила его два года назад. Она забрала детей, двух дочерей-школьниц. Это было ужасно. Он обожал их. Как-то раз Шурик попытался встретиться с ними, дождался у школы. Но дочери убежали, увидев отечного монстра.

— Все наладится, старик, — сказал Витя и похлопал Шурика по спине. Тот лежал на животе.

— Не думаю, — вздохнул Шурик. — Мне кажется, я скоро умру. Вряд ли доживу до конца года.

Селиванов попытался представить, как будет выглядеть гроб, в который положат Шурика. И сколько понадобится людей, чтобы его дотащить.

— Тебе нужна операция. Откачать жир. И зашить в желудок специальный баллон. Как у Соловьёва.

— Но у меня нет денег. Я не работаю. Клиентов мало. Пенсия по инвалидности копеечная. А еще алименты.

На огромную кучу человеческих страданий было невыносимо смотреть.

— Мы тебе поможем, — сказал Витя. — Не знаю только как.

— Спасибо, друзья, я тронут. Выпивайте, не обращайтесь на меня внимания.

— У тебя ведь даже бабы не было давно, правда?

— Да, конечно. Ни одна женщина не захочет даже просто посидеть со мной рядом и подержать за руку.

Шурик раскачался и перевернулся на бок. Кровать затрещала. Он был похож на морского слона. Селиванову

пришла в голову дурацкая картинка. Он подбрасывает кусок морковки, и Шурик ловит ее в воздухе своим огромным ртом. Витя разлил водку в стаканы.

— За тебя, Санёк! За твое счастье.

— Спасибо, ребята.

— Кстати, у тебя нет каких-нибудь ненужных ботинок?

— Посмотрите в кладовке. Но там хлам, рвань.

— В кладовке, — сказал Витя.

— Потом, — махнул рукой Селиванов.

Они выпили.

— Слушай, а закусить есть? — спросил Витя.

— Конечно. В холодильнике. Мне мама приносит продукты.

— За твою маму!

Витя сходил на кухню и вернулся с яблоком и сыром. Они продолжили пить и разговаривать. Селиванов не заметил, как уснул, сидя в старом советском кресле.

Ему приснилось, что он тореадор, а вместо быка на него выпустили неуклюжего морского слона. Надо было проткнуть его саблей. У Селиванова не поднималась рука это сделать. Морской слон был жирный, жалкий и беззащитный. Толпа требовала крови. Им нужно было убийство. Селиванов уронил саблю и заплакал. На этом сон прервался. Он проснулся и увидел в полумраке голую тощую морщинистую женщину. Она ползала по туше Шурика. Рядом стоял Витя и давал указания:

— Ищи, ищи.

— Да ищущую я, ищущую, — отвечала она шепеляво.

— Не надо, ребята, просто отдохните, развлекайтесь, — отвечал Шурик.

— Санёк, это же живая баба. Она все сделает.

Селиванов сходил в ванную, умылся. Вернувшись, он увидел, что женщина сидит на его месте и пьет пиво из литровой пластиковой бутылки.

— Маринка, ты такая дура, — бормотал Витя. Он сидел на полу. Голова свесилась на грудь.

Маринка лягнула его ногой. Витя лязгнул зубами и повалился на спину. Шурик молча смотрел на происходящее.

— Я пойду, — сказал Селиванов.

— Оставайся. Уже ночь, — ответил Шурик. — Если хочешь лечь, на кухне есть диванчик.

— Спасибо.

Он вышел на кухню и лег. За окном что-то шелестело. Кажется, шел дождь. Пришла Марина и стала рыться в холодильнике, отключив голый зад. Селиванов подумал, что эта шалава сожрет продукты, которые несчастному Шурику принесла старенькая мама. И заплакал.

— Ты чего? — спросила Марина. Она жевала.

— Ничего, — сказал Селиванов.

— А я паштет ем.

Она ушла. Селиванов почувствовал, что трезвеет. Ему стало страшно. Он сходил в комнату, взял бутылку водки. Марина сидела в кресле, раздвинув дряблые ноги. Витя спал на полу. Печальный Шурик смотрел телевизор. Селиванов хотел сказать ему что-то доброе и ободряющее, но ничего не смог придумать. Он вернулся на кухню и стал пить в темноте. Дождь прекратился. Проехала машина, шурша шинами по асфальту. Потом запела ночная птица. То есть не запела, конечно, а просто зачирикала, причем довольно противно.

Его разбудил Витя. Селиванов открыл глаза, зажмурился, застонал от головной боли и тошноты. Рядом лежало теплое и мягкое тело. На секунду он сдуру решил, что Лиля нашла его ночью, но не смогла разбудить и увести домой, поэтому устроилась рядом. Он поднял голову. Рядом лежала Марина. Одну ногу она закинула Селиванову на бок. Он столкнул ее.

— Который час?

— Неважно, — махнул рукой Витя. — Шурик умер.

— Да ты что! — сказал Селиванов. — Погоди. Точно?

— Я же врач.

— А от чего?

— Да откуда мне знать? От сердца, наверное.

Селиванов схватился за голову.

— А выпивка есть?

— Нет ничего. Все вылакали. Эта манда все допила.

Марина не шевелилась. Селиванову стало страшно. Может, и она умерла? Шурик решил, что одному скучно будет, и забрал ее с собой.

— Эй! — Витя потряс ее за руку.

— Отъебись, — простонала она.

Селиванов с трудом встал, обошел Витю и заглянул в комнату. Работал телевизор. Шурик лежал на животе, уткнувшись лицом в подушку. Селиванов медленно протянул руку и тронул его за плечо. Потом потряс. Кажется, наступало ооченение. Все эти сотни килограммов жира стали непривычно твердыми.

— Иди сюда, — позвал Витя.

— Чего?

— Посмотри там в кладовке, он говорил, есть башмаки. И пошли отсюда.

— А Шурик?

— Ох, — сказал Витя.

Он ушел в ванную. Селиванов услышал, как его рвет. Марина открыла глаза.

— Выпить есть?

— Нет. Шурик умер, — сказал Селиванов.

— Да ладно!

Он пожал плечами. Достал из кармана телефон. Половина восьмого. Никто не звонил. И не писал. Стало немножко не по себе. Раньше, когда он так же уходил, Лиля без конца доставала звонками. С другой стороны, так даже лучше. Меньше ругани.

— Я пошла отсюда, — сказала Марина.

— Надо вызвать кого-то, — пробормотал Селиванов. — Ментов или скорую.

— Флаг в руки, барабан на плечи. Хоть пожарных. Я сваливаю.

Она ушла в комнату, тут же появилась с охапкой одежды в руках. Из ванной вывалился Витя.

— Правильно, идем отсюда.

Селиванов сел, достал сигареты.

— Надо позвонить, — сказал он.

— Без нас позвонят. Мать его придет и позвонит куда надо. Дверь оставим открытой.

Марина оделась и вышла на кухню. Открыла холодильник и стала выгребать продукты.

— А ты чего вообще делаешь? — спросил Селиванов.

Она не ответила. В мятый пакет сложила яблоки, колбасу, консервы, какие-то нарезки. Из морозилки достала две пачки пельменей, курицу.

— Идешь? — позвал Витя.

Селиванов не ответил.

— Ну, смотри.

Они ушли. Он покурил. Потом умылся. Вернулся на кухню. Вспомнил почему-то, как в детстве гулял по парку и увидел за кустами в канаве мертвую собаку. Сначала Селиванову показалось, что она живая. Он пролез сквозь ветки и чуть не свалился в обморок от вони. Потом этот запах часто ему мерещился.

Селиванов представил, как будет пахнуть Шурик, если его вовремя не найдут. Мама его обнаружит, вот кто. Старушку такое зрелище убьет на месте. Нужно было похмелиться и принять решение. Он порылся в кухонных шкафчиках. Заглянул в разоренный холодильник. Там одиноко стояла ополовиненная банка горчицы. Трясучка уже подступила. Пока слабая. Сильной она станет через несколько дней пьянства.

Селиванов вернулся в комнату и собрал пустые бутылки, три водочные и две пивные. Сначала слил остатки водки, набралось около двадцати граммов. Пива не осталось ни капли. Он закинул в рот этот маленький глоток водки. Слишком мало. Даже знакомый, любимый отвратительный вкус не почувствовал.

Скрипнула кровать. Селиванов вздрогнул и выронил стакан. Шурик лежал в той же позе. Бедняга. Вряд ли бывшая жена и дети придут к нему на похороны. Селиванов заглянул в шкаф, где была аккуратно развешана одежда гигантских размеров. Где он только ее доставал? На заказ, что ли, шил? Потом он опустил дверцу советского серванта. Вся верхняя и нижняя полка были заставлены миниатюрными бутылочками разного алкоголя: водка, виски, коньяк, джин, ром. У Селиванова сильнее затряслись руки. Видимо, Шурик привозил из отпусков, когда еще ездил куда-то. Коллекционировал. Наверное, его сожгут. Это дешево и просто. Не понадобится копать огромную могилу. Останется от него килограммов десять пепла.

Селиванов выпил подряд четыре бутылочки водки. Немного подождал и добавил еще две. Стало легко и спокойно. Он вышел на кухню, покурил. Потом набрал 112.

Дверь в квартиру была открыта. Вскоре пришел полицейский в медицинской маске.

— Вы звонили? — спросил он, заглядывая в комнату. — Что это, что?!

— Это Шурик, — ответил Селиванов. — Он был крупный парень.

— Вижу, вижу.

Полицейский вышел на кухню.

— Я участковый. Старший лейтенант Кривенко. Маску наденьте.

— У меня нет, — развел руками Селиванов.

— А друг ваш, он, это самое, не болел? Не чихал? Не кашлял?

— Нет, ничего такого.

— Выпил много?

— Он вообще не пил, — сказал Селиванов.

— Ладно. Ясно. А вы в гости зашли, правильно?

— Да, зашел.

— Родственники у него есть?

— Вроде мама, говорят.

— Не уходите пока. Я паспорт поищу.

Он ушел в комнату. Селиванов достал из кармана маленькую бутылочку и быстро высосал.

Квартира быстро наполнилась людьми. Пришли соседи. Потом прибежала пожилая женщина, завывала и упа-

ла посреди коридора. Остро запахло корвалолом. Санитары труповозки топтались в прихожей. Селиванов услышал, как один из них сказал:

— Мы его и до лифта не дотащим, даже волоком.

— Не дотащим, — подтвердил второй.

Маму Шурика соседи пытались увести к себе. Она вырывалась, захлебываясь слезами. Селиванов представил, как она падает на громадное тело сына, бьет его кулаками. Стало жутко. Он достал второй бутылек, присосался. За этим его застал Кривенко.

— Ваше имя, телефон и адрес, пожалуйста, — сказал он, странно моргая левым глазом.

Селиванов задумался, потом назвал.

— Кто-то еще тут был? — спросил участковый.

— Был мой приятель Витя Ерёменко и еще одна баба. Не знаю ее. Марина зовут. Беззубая.

— А, это Хлеборезка, — сказал Кривенко.

Он сел рядом с Селивановым, сдвинул маску на подбородок и закурил.

— Криминала, похоже, нет. У него даже кошелек на месте. Кольцо еще обручальное. Оно, правда,росло. Его и не снять.

— От него жена ушла, — сказал Селиванов. — И детей забрала.

— Неудивительно. Бабы часто бросают в беде.

— Все?

— Ну, нет, конечно. Не все.

Из комнаты раздался истошный вопль. Участковый поморщился.

— Маму жалко.

— Я думал, она старуха, — признался Селиванов.

Он допил, но хотел еще.